

Russkiye Vedomosti. 1915, December 3, pp. 4-5.

Русские Ведомости. 1915, декабрь 3, стр. 4-5.

Theater and Music.

The third symphony concert conducted by S. Koussevitzky was dedicated to the works of Rachmaninoff. Held on Monday, November 30, the program featured both of the composer's cantatas, as well as his Third Piano Concerto, performed with the composer himself as soloist.

Rachmaninoff's first cantata, "Spring"—set to a text by Nekrasov—was composed during a particularly inspired period in the artist's creative life; it was around this same time that he also produced his enchanting Second Piano Concerto and his remarkable sonata for piano and cello. "Spring" bears the unmistakable mark of a soaring creative impulse and genuine artistic fervour. The composer has captured the essential tone of the poetic text perfectly. The work is imbued with a sense of freshness and clarity, possessing an invigorating and captivating quality. The entire "spring" section of the cantata is essentially derived from two themes: a primary theme ("It comes, the verdant rustle resounds...") and a second theme, which first appears in the cellos and is subsequently developed throughout the work, both in its entirety and in fragments. Though this charming, quintessentially "Rachmaninoff-esque" theme is built upon only four scale degrees, it would be unfair to call it meagre or uninteresting. Also beautiful is the elegiac theme that emerges just before the narrative portion of the cantata, preceding the baritone solo. This solo is by no means one of the finest pages in Rachmaninoff's body of work, nor is it particularly expressive. In fact, it tends to dampen the listener's enthusiasm and detracts from the overall impression.

One other detail is worth noting: when depicting the "shaggy" winter that "howls day and night," the composer makes effective use of a wordless (closed-mouth) chorus, and later introduces a striking, powerful exclamation from the choir—the word "Kill!"...

Rachmaninoff's second cantata, "The Bells"—set to a text by Poe (in Balmont's translation)—was composed two years ago. The period between "Spring" and "The Bells" saw the creation of several major scores, a time that provided Rachmaninoff with invaluable experience through his direct engagement with opera in the theatre and symphonic music in the concert hall. Consequently, the score of "The Bells" stands as a masterful, outstanding work. The strength of its orchestral palette lies not merely in the abundance of resources employed, but in the fact that these rich means are utilized expansively and with unerring precision. The same can be said for the choral writing, which is both demanding and highly rewarding. The vocal solos are composed with great flair, though they occasionally require the performer to produce an immense volume of sound, as they are sometimes layered against both the chorus and the orchestra.

Such is the ornate exterior of "The Bells", which lends the work a brilliant, vivid, and pictorial quality. In terms of its inner substance, the score is somewhat uneven; its weight is significantly greater in the final two movements, which are imbued with genuine drama.

After the third movement—where the sounds truly "throb, swirl, and cry out, cry out, cry out," and where the drama reaches an immense intensity, illuminated by an ominous power—one might expect the overall impact to wane. Yet it does not; the final scene, with its funereal sorrow, mournful resignation, and sincere elegiac quality, leaves a profound impression. The concluding coda, moreover, ranks among Rachmaninoff's finest pages.

The excellent impression left by both cantatas was bolstered by their superb execution under the direction of Mr. Koussevitzky. The performance of "The Bells" combined precision with compelling energy—a blend that invariably yields outstanding results. The solo parts were in capable hands: Mme. Stepanova, Mr. Alchevsky, and Mr. Migay (who also sang the solo in "Spring").

The highlight of the concert, however, was the truly inimitable performance of the Third Concerto by the composer himself. On this occasion, Mr. Rachmaninoff surpassed even his own high standards—and this in a city that still vividly recalls his remarkably brilliant performance of the same concerto two years prior, as part of this very same concert series. Throughout the three movements of the concerto, there was arguably not a single phrase that was anything less than superbly played; indeed, after each movement, it felt as though that particular section had been performed even better than the others—as if, in that very moment, the artist had reached the ultimate pinnacle of his powers. The audience was captivated by a combination of maturity and spontaneity, of consummate mastery and youthful sincerity. Naturally, the overall impression would not have been nearly as powerful had Mr. Koussevitzky's accompaniment not been marked by such profound sensitivity and a seamless alignment with the soloist's intentions. Mr. Rachmaninoff's success was colossal—both during the concerto itself and in the encores he performed (the Prelude in G sharp minor, Op. 32, and the Prelude in G minor, Op. 23). Gr. Pr.

[Translation: Google]

Театръ и Музыка.

Третій симфоническій концертъ С. Кусевицкаго былъ освященъ творчеству Рахманинова и составилъ (въ понедѣльникъ, 30-го ноября) изъ обѣихъ кантатъ этого композитора и третьяго фортепіаннаго концерта въ авторской интерпретаціи. Первая кантата Рахманинова, «Весна», на текстъ Некрасова, написана въ особенно счастливый періодъ творчества этого художника: въ это же приблизительно время созданы очаровательный второй фортепіанный концертъ и замѣчательная соната для фортепіано съ віолончелью. Печать взлета творческаго вдохновенія, печать искренняго увлеченія лежитъ и на «Веснѣ». Основной тонъ поэтическаго текста, избраннаго композиторомъ, схваченъ имъ отлично. Въ «Веснѣ» чувствуется свѣжесть и ясность, въ пей заложено что-то бодрящее и увлекающее. Вся «весенняя» часть кантаты кающее. Вся «весенняя» часть кантаты вылилась въ сущности изъ двухъ темъ, — основной («Идетъ, гудетъ 36-лѣный шумъ») и другой, впервые являющейся въ віолончеляхъ и потомъ много разъ проводимой цѣликомъ и по частямъ. Эта милая, настоящая «рахманиновская» тема построена всего на четырехъ ступеняхъ, но назвать ее бѣдной или неинтересной было бы грѣшно. Красива и та элегическая тема, что появляется впервые передъ началомъ повѣствовательной части кантаты, по-редъ баритоннымъ solo. Это solo отнюдь не изъ лучшихъ страницъ рахманиновскаго творчества и выразительностью не блещетъ. Скажу больше: оно расхолаживаетъ слушателя, и отрицательно вліяетъ на общее впечатлѣніе.

Нужно упомянуть еще одну деталь, -при разсказѣ о зимѣ косматой, что «реветъ и день, и ночь», композиторъ красиво использовалъ звучность хора съ закрытыми ртами и позже удачно ввелъ потрясающее восклицанье хора «Убей»...

Вторая кантата Рахманинова «Коло-Кола», на текстъ Поэ-Бальмонта, написана два года назадъ. На періодъ между «Весной» и «Колоколами» падаетъ нѣсколько крупныхъ партитуръ композитора и время, давшее Рахманинову огромный опытъ въ видѣ непосредственнаго знакомства съ оперной литературой въ ея сценической жизни и симфонической литературой въ ея эстрадномъ воплощеніи. Въ итогѣ партитура «Колоколовъ» явилась произведеніемъ мастерскимъ, выдающимся. Не въ томъ сила оркестровой палитры «Колоколовъ», что она насыщена средствами, но въ томъ, что эти богатые средства использованы широко и бьютъ прямо въ цѣль. То же нужно сказать и про партію хора, отвѣтственную и благодарную. Вокальные solo написаны эффектно,

по иногда требуютъ отъ исполнителя слишкомъ большой силы звука, ибо комбинируются порою и съ хоромъ, и съ оркестромъ.

Такова нарядная виѣшность «Колоколовъ», придающая имъ блестящую картинность. Со стороны внутренней партитура представляется неравноцѣнной, причемъ удѣльный вѣсъ ея много выше въ двухъ послѣднихъ частяхъ, насыщенныхъ настоящимъ драматизмомъ. Послѣ третьей картины, гдѣ звуки подлинно «бьются, вьются и кричатъ, кричатъ, кричатъ», гдѣ драматизмъ достигаетъ высоты огромной и становится озареннымъ зловѣщей силой, впечатлѣнію трудно не упасть. Однако оно не падаетъ, и финальная сцена похоронной печали съ ея скорбной примиренностью и искренней элегичностью оставляетъ большое впечатлѣніе. А заключительная кода принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ Рахманинова.

Отличному впечатлѣнію отъ обѣихъ кантатъ способствовало превосходное ихъ пополнение подъ управленіемъ г. Кусе. видкаго. Въ исполненіи «Колоколовъ» сочеталась четкость съ увлекательностью, а такое сочетание всегда даетъ превосходные результаты. Партія солистовъ были въ надельныхъ рукахъ г-жи Степаповой и гг. Алчевскаго и Мигая, исполнившаго также solo въ «Веснѣ».

Но лучшимъ моментомъ концерта было поподлинно неподражаемое исполненіе авторомъ третьяго концерта. На чтогъ разъ г. Рахмалиновъ превзошелъ самъ себя, а Москва помнить уже парѣдкость яркое авторское исполненіе оного концерта два года назадъ въ той же концертной серіи. На протяженіи трехъ частей концерта, кажется, не было ни одной фразы менѣе, чѣмъ превосходно сыгранной, а послѣ каждой части казалось, что именно это сыграно лучше прочихъ, что именно здѣсь артистъ поднялся на послѣднія вершины. Покорила слушателя комбинація зрѣлости съ непосредственностью, высшаго мастерства съ юпо-шеской искренностью. И, конечно, общее впечатлѣніе не было бы столь сильнымъ, если бы аккомпаниментъ г. Кусевицкаго не отличался большой чуткостью и топкой сліяанностью съ волей солиста.

Успѣхъ г. Рахманиновъ имѣлъ колоссальный и во время концерта, и среди пьесъ, сыгранныхъ на bis («Прелюдія» Gis-moll op. 32 и G-moll op. 23).

Гр. Пр.